

Глава 12

Хэ Шаоюань с Ли Чэнем вполголоса переговаривались прямо при Цзи Чэне. Тот же, если не считать того, что лицо Ли Чэня показалось ему смутно знакомым, знать их не знал, а потому так и застыл на пороге, не успев выставить из кухни вторую ногу.

Картина вырисовывалась специфическая: будто двое лихих людей забрались в чужой дом с единственной целью — умыкнуть ребёнка.

— Привет! Мы дядя и тётя Цзюньсяня.

Хэ Шаоюань добродушно улыбнулся и, пройдя мимо юноши, заглянул на кухню. Окинув взглядом разделочный стол, где все ингредиенты уже лежали наготове, он одобритительно кивнул:

— О, да ты уже вовсю хлопчешь! Молодец, парень.

Цзи Чэн молчал.

Он снова перевёл взгляд с одного мужчины на другого, никак не в силах переварить эту формулировку: «дядя и тётя»...

Со дня знакомства с Лу Цзюньсянем Цзи Чэн уже во второй раз распахивал для себя дверь в совершенно новый мир. Мир за этой дверью буйствовал яркими красками, а он лишь робко заглядывал внутрь с порога.

Впрочем, раз уж перед ним стояли родственники Лу Цзюньсяня, демонстрировать холодность Цзи Чэн не стал и лишь сдержанно кивнул.

Разглядев в парне некую отстранённость, Хэ Шаоюань прошёл вглубь кухни и, оказавшись за спиной Цзи Чэня, многозначительно вскинул бровь, глядя на оставшегося снаружи Ли Чэня.

Тот отлично понял этот сговорчивый жест. Со вздохом лёгкой обречённости Ли Чэн шагнул вперёд и мягко улыбнулся юноше:

— Здравствуй. Я Ли Чэн... можно сказать, тётушка Цзюньсяня. А тебя как звать?

«Тётушка»...

Цзи Чэн молча смотрел на него. Теперь, услышав имя, он окончательно понял, откуда ему знакомо это лицо. Память не подвела.

Перед ним стоял Ли Чэн — легенда шоу-бизнеса, обладатель двух высших актёрских наград. За всю карьеру — ни единого скандала, безупречная репутация, ангельский характер и всенародная любовь: у него практически не водилось хейтеров.

И вот, находясь на самом пике, в прошлом году сорокаоднолетний Ли Чэн неожиданно объявил об уходе из кино, сославшись на желание «ощутить вкус жизни», чем разбил сердца миллионам поклонников.

С тех пор на его страничке в Вэйбо появлялись исключительно пейзажные фото с лона природы...

Цзи Чэн редко смотрел фильмы и сериалы, так что уход актёра его мало тронул, но встретить подобную величину в доме Лу Цзюньсяня было неожиданно.

Как говорится: увидел живую легенду.

— Здравствуйте. Я Цзи Чэн, преданный поклонник книг учителя Лу, — сдержанно представился юноша, подстраиваясь под его тон.

«Преданный поклонник книг»? И только?

Нежирно ли для обычного фаната — хозяйничать в доме кумира, пока того нет дома?

Сомнительно.

«Дядя с тётей» переглянулись — их мысли совпали до мелочей.

— Цзюньсянь, должно быть, вот-вот вернётся. Ты готовил? Давай поможем! — с воодушевлением предложил Хэ Шаоюань.

Достав из шкафчика два новых кухонных фартука, он бойко надел один на себя, а второй пристроил на Ли Чэня, не оставив Цзи Чэню ни единого шанса возразить.

Впрочем, это был дом Лу Цзюньсяня, а перед ним стояли его родные — права вето Цзи Чэн всё равно не имел. Он лишь сдержанно кивнул и с безучастным видом вернулся к нарезке овощей.

Работа закипела: Цзи Чэн резал, Ли Чэн подготавливал ингредиенты, а Хэ Шаоюань колдовал у плиты с раскалённым маслом. Разделение труда вышло близким к идеалу.

— Сяо Цзи, а сколько тебе лет? — непринуждённо поинтересовался дядя, помешивая блюдо на сковороде.

— После Нового года исполнится двадцать три, — сдержанно отозвался Цзи Чэн.

— О, на пять лет младше нашего Цзюньсяня. Отлично. Ты в последнее время всё время здесь живёшь?

— Угу. Завтра вместе с учителем Лу едем на съёмки, — скупно проронил юноша.

— Вот как? Значит, ты и есть тот новый актёр, которого взяли на замену?

— Да.

— А где-нибудь актёрскому мастерству учился?

— Нет, — сухо отчеканил Цзи Чэн.

— О-о-о... Теперь понятно, почему Цзюньсянь решил лично составить тебе компанию. Но это ничего, раз уж он остановил выбор на тебе, значит, разглядел искру. Постарайся — и всё обязательно получится.

— Угу, — всё так же бесстрастно буркнул Цзи Чэн.

Масло в сковороде весело шкворчало, и первое блюдо быстро подоспело. Ли Чэн подставил тарелку, а Хэ Шаоюань ловко переложил туда стряпню.

Косо взглянув на них, Цзи Чэн с облегчением вздохнул — воцарилась долгожданная пауза. Быстро ополоснув нарезанные овощи, он взял головку чеснока и от греха подальше ушёл в самый дальний угол. Усевшись на корточки возле мусорного ведра, он принялся молча крошить шелуху.

Дядя учителя Лу слишком болтлив.

А он разговаривать совершенно не настроен.

Супруги, впрочем, его маневра не заметили и слаженно продолжали кулинарить.

— Тебе не кажется, что они здорово напоминают нас в молодости? — возобновил разговор Хэ Шаоюань.

Ли Чэн тихо усмехнулся и заботливо поправил сползший рукав его рубашки:

— И в чём же сходство?

— Как там это нынче называют? — Дядя на мгновение замер со сковородой в руках и ухмыльнулся: — «Нянься», верно? Молодёнький партнёр! Цзюньсянь явно перенял у дяди самое лучшее.

Ли Чэн бросил в сковороду специи и со вздохом покачал головой:

— Перестань. Вспомни лучше, как ты сам из кожи вон лез: и хитростью, и красотой, и всеми тридцатью шестью стратегиями меня измором брал, пока в сети не заманил. Неужто Цзюньсянь станет вытворять то же самое?

— Ну-ну, полегче! Разве в делах сердечных бывает обман! — Хэ Шаоюань с юмором возразил и принялся с ещё большим азартом орудовать сковородой.

Сидящий в углу Цзи Чэн, который уже давным-давно очистил чеснок, но категорически не желал возвращаться к этим двоим, хранил гробовое молчание.

И как раз в этот момент домой наконец вернулся Лу Цзюньсянь.

Услышав доносившийся с кухни шум, он направился прямо туда — и застал душераздирающее зрелище: Цзи Чэн, сиротливо скрючившийся у мусорного ведра с несчастным видом, и увлечённо болтающие за готовкой дядя с дядей Ли...

Со стороны казалось, будто его домочадцы сплотились и безжалостно третируют бедного гостя.

— Дядя, дядя Ли, вы так рано! — улыбнулся Лу Цзюньсянь, входя на кухню и любопытно заглядывая в сковороду.

При виде Лу Цзюньсяня Цзи Чэн наконец почувствовал, что в этом огромном доме у него появилось хоть какое-то подобие опоры. Он поднялся с корточек и пошагал к раковине ополоснуть чеснок.

Заметив племянника, Хэ Шаоюань, не прерывая раскладывания еды по тарелкам, многозначительно подмигнул ему:

— Сменил старого на кого помладше? А у тебя хороший вкус.

Лу Цзюньсянь застыл.

— В смысле — «сменил на кого помладше»? — не понял он.

Хэ Шаоюань кивнул в сторону Цзи Чэня, стоявшего у раковины, и шепнул:

— Что, это не твой новый кавалер?

Услышавший всё Цзи Чэн обомлел.

Руки, моющие чеснок, неожиданно дрогнули — казалось, его насильно толкнули одной ногой прямо в неизведанную бездну.

Лу Цзюньсянь, заметив выражение лица парня, подумал, что дядя нанёс сокрушительный удар по психике убеждённого гетеросексуала. Смущённо приложив ладонь ко лбу, он вздохнул:

— Никакой он не кавалер, вы всё не так поняли.

С этими словами Лу Цзюньсянь мягко подвёл Цзи Чэня ближе и представил его по всей форме:

— Это Цзи Чэн, поклонник моих книг. Помните ту историю с Чжао Пэном? Цзи Чэн меня тогда спас. И он... совершенно другой, не такой, как мы. Дядя, не мели чуши.

— О-о-о... Вот оно что! Ошибся, извини, — с готовностью согласился Хэ Шаоюань.

Раз парень спас Цзюньсяню жизнь, всё сразу встало на свои места: спаситель — это вам не просто поклонник с улицы.

Хэ Шаоюань кивнул, хотя взгляды, которые он бросал на Цзи Чэня, по-прежнему оставались весьма двусмысленными.

Представив фаната, Лу Цзюньсянь перешёл к родственникам:

— Это мой дядя, они с моей матерью близнецы. А это дядя Ли, супруг дяди.

Выслушав объяснение, Цзи Чэн послушно кивнул и ещё раз поздоровался с гостями.

Хэ Шаоюань с его острым глазком не мог не заметить: стоило племяннику переступить порог, как этот ледяной и неприступный парень на глазах оттаял и стал мягким как шёлк. Надо же...

— Раз только пришёл, идите в гостиную, отдохните. Тут работы на пару минут осталось, мы с Ли Чэнем сами всё доделаем.

Лу Цзюньсянь окинул взглядом кухонный стол, затем посмотрел на Цзи Чэня. Не зная, какому психологическому обстрелу подвергся юноша в его отсутствие, он решил, что парня срочно нужно увести и успокоить. Послушно кивнув, он увлёк Цзи Чэня за собой.

Устроившись на диване в гостиной, Лу Цзюньсянь достал принесённый договор:

— Давай сперва подпишем бумаги?

— Давайте, — отозвался Цзи Чэн.

Даже не заглянув в текст, он взял ручку и размашисто поставил подпись, демонстрируя безграничное доверие.

Забрав контракт, Лу Цзюньсянь сочувственно улыбнулся:

— Прости меня. Тебе, должно быть, непривычно видеть подобные отношения? Дядя ничего лишнего не ляпнул, не напугал тебя?

Слово «кавалер», конечно, выбило почву из-под ног, но не сказать чтобы подобные отношения вызывали у него отторжение. О существовании однополрой любви Цзи Чэн знал, просто в его окружении такого не водилось. Никаких предрассудков он не испытывал — да и, по правде говоря, сам ещё толком не ведал, что такое любовь. Мужчина с женщиной, мужчина с мужчиной, женщина с женщиной — для него всё это было одинаково далёким.

Однако постоянные извинения Лу Цзюньсяня заставляли Цзи Чэня чувствовать неловкость. Особенно зацепили сказанные на кухне слова о том, что он «другой» и «не такой, как они».

Почему «не такой»? Он вовсе не хотел быть «другим» для Лу Цзюньсяня.

— Во все нет. Мне очень нравится, — решил прояснить свою позицию Цзи Чэн.

Лу Цзюньсянь опешил.

— А?.. Что именно нравится?

Цзи Чэн застыл.

Кажется, он сболтнул лишнего... Выразился совсем не так, как хотел.

— Я имею в виду... такие отношения — это абсолютно нормально. И ваши дяди замечательные, — смущённо объяснил он, чувствуя, как вспыхнули кончики ушей.

Лу Цзюньсянь с пониманием кивнул и тихонько хмыкнул — а ведь на секунду ему показалось, будто парню приглянулся его дядя...

На журнальном столике лежали книги, которые Цзи Чэн принёс с собой. Похоже, весь день он провёл за чтением. Взяв один из томов, Лу Цзюньсянь перелистал страницы: поля, как и в прошлый раз, пестрели густыми пометками.

Вдаваться в записи он не стал, просто закрыл книгу и улыбнулся:

— Схожу за обёрточной бумагой, оберну их для тебя?

— Хорошо, — кивнул Цзи Чэн и послушно выпрямился на диване в ожидании.

Лу Цзюньсянь поднялся на второй этаж за бумагой, а Цзи Чэн не сводил с него пристального взгляда, провожая до самой лестницы.

Когда же хозяин дома устремился обратно вниз, юноша мгновенно отвёл глаза и с пылающими ушами уткнулся в книгу, делая вид, будто увлечён чтением.

Впрочем, эта нехитрая маскировка не укрылась от внимательных глаз дядей, наблюдавших за ними из кухни.

Вернувшись с рулоном бумаги, Лу Цзюньсянь решил не садиться на диван — столик был слишком низким, — а опустился прямо на мягкий ковёр.

Завидев, что хозяин устроился на полу, к нему радостно примчался пёс Маомао. Он принялся виться вокруг и переворачиваться на спину, выпрашивая ласку. Получив заветную порцию поглаживаний, довольный пёс улёгся рядом, устроив морду прямо на коленях Лу Цзюньсяня.

Глядя, как Лу Цзюньсянь, опустив ресницы, увлечённо и аккуратно выкраивает обложку, Цзи Чэн бесшумно соскользнул с дивана и опустился на корточки у противоположного края столика.

— Хочешь научиться? Это совсем несложно, — с улыбкой спросил Лу Цзюньсянь, не прерывая работы.

— Хочу, — отозвался Цзи Чэн и стал внимательно следить за каждым его движением.

В кухне двое мужчин, прижавшись к дверному косяку — один чуть повыше, другой пониже, — вытягивали шеи и шурились, подглядывая за происходящим в гостиной.

— И в чём тут «другой»? Парень так на него смотрит — и это он называет «не такой, как мы»?
— шепнул Хэ Шаоюань.

Ли Чэн ласково погладил его по голове и со смешком подтвердил:

— У него же глаз горит, когда он на нашего Цзюньсяня смотрит.

<http://bllate.org/book/20688/2131100>